

ОТ ПРАВЛЕНИЯ К УПРАВЛЕНИЮ:
ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме «технологизации» современного политического и правового мышления от ее истоков в XVI—XVII вв. вплоть до эпохи «цифровых технологий». Технократические тенденции, проявившиеся в политической сфере, достаточно рано привели к возникновению идеальной управленческой машины — бюрократии. Это новое социальное явление заменило собой прежние, ориентированные на иерархию и суверенитет, системы управления. Усложнение общественной жизни и политический плюрализм потребовали изменений в характере управленческих технологий. В рамках «дисциплинарного» общества техники управления формируют нормативную среду существования. Господство закона заменяет собой господство персоналий. Власть дифференцируется по сетевому принципу. Наступает время господства биовласти, регламентирующей всю общественную и личную жизнь, склонной к тотализации и механистичности.

Ключевые слова: норма, нормирование, управление, техника власти, суверенитет, дисциплинарное общество, технология управления, правление, тотальность, диктатура, демократия, либерализм, нейтральность, полиция, приказ.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.019-042

1. Идеальное управление: совершенство техники

XIX век впервые изменил традиционную стратегию управления, обратившись от соединения людей и вещей к управлению посредством процессов (М. Фуко). «Технологическая революция выдвинула множество новых проблем и открыла множество новых идей. Нарождающийся плюрализм (нашедший отклик в идеологии экономического и политического либерализма) потребовал нового пересмотра базовых принципов, логики и метафизических идей науки и общественной жизни. Уже в первой фазе европейской модернизации происходила уверенная демистификация традиционных рангов и иерар-

хий: модерн обещал не устранение опасностей промышленной технологии, а только справедливое распределение рисков; просвещение же впервые, по мнению У. Бека, сделало заметный «идейный вклад в генную инженерию, применив ее к социальным технологиям»². Предполагалось создать нового человека, гуманного и справедливого. Незадолго до этого Исаак Ньютон «демократизировал» универсум, отказавшись от иерархической подчиненности небесных тел: во Вселенной ни одно тело не является более важным, чем всякое другое. Напрашивается политическая аналогия: в мире правят законы, а не люди. Схоластическая иерархия универсума в протестантизме упраздня-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-16124.

² Бек У. Общество риска. М., 2000. С. 21.

© Исаев И. А., 2019

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) iaisaev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ется всеми возможностями вездесущего Творца, перед которым все иерархии теряют смысл. И Ньютон также был уверен, что Бог реализует свою власть над сотворенным им миром либо, используя только вторичные, механистические причины, Бог непосредственно вмешивается в естественный порядок посредством чуда. Именно в эпоху Просвещения появляется и понятие политического, которое еще долгое время будет определять европейскую государственную теорию и практику. Политика призвана обеспечивать равновесие и справедливость в системе: «политика» и «полиция» все еще синонимичны.

Всякое историческое событие в своем дальнейшем развитии должно было обладать только видимостью политического характера, на деле же — служить точкой опоры для сохранения «существующего положения для овладения и управления динамикой существования»: никакие перевороты не приведут к существенному разрыву на уровне бытия, поскольку парадигма управления остается по сути прежней — смена «суверена» имеет под собой непрерывное воспроизводство некоего «полицейского» порядка, стандартным образом реагирующего на создавшуюся ситуацию.

Парадигма управления и парадигма чрезвычайного положения сходятся в идее ойкономии — деятельности руководства, которая управляет ходом вещей, приспосабливаясь в своем «интуитивном умысле» к конкретной ситуации. Непрерывность бытия «производится именно управленческой машиной», которая констатирует каждую конкретную ситуацию так, как если бы она была чрезвычайным положением³.

При этом политика не является чем-то таким, что с необходимостью включается во внутреннее дело с чем-то иным, даже если и использует законы как свои инструменты в случаях, когда она испытывает в этом действительную потребность: политика есть нечто, имеющее прямую связь с необходимостью.

Но необходимость равновесия обусловлена самой «физикой государства», даже когда межгосударственные отношения уже не сводятся ни к имперскому единству, ни к цифровой универсальности. Государство тогда образует некое сообщество, в котором установлены отношения, кодифицируемые правом: Европа создает

сегодня политическую систему, единое целое... Она уже не является, как раньше, хаотическим нагромождением изолированных частей, каждая из которых считалась мало заинтересованной судьбой остальных, — это писалось еще в начале XVIII в.⁴

Разум и рациональность, опирающиеся на технику (Ламетри уже определил человека как машину), заменяют собой Творца, у которого они изымают функции управления миром. Космос заменяется огромной машиной, в которой все отлажено.

Управление как функция утвердило неавторитарную политическую модель, привлекательную хотя бы по причине своей систематичности и универсальности целеполагания (в идеале это — «всемирное управление»). Вместе с тем, будучи инструментом оценки и ответом на новые вызовы рождающейся новой демократии, управление все же сохраняет и устанавливает некую постмодернистскую форму авторитаризма: народ и депутаты, бывшие главными действующими лицами в представительной демократии, в XIX в. сменяются новой парой: эксперты и гражданское общество, которые определяют и «очерчивают границы выработки легитимного решения и определяют саму сущность политической власти».

«Под предлогом отвержения вообще любой формы власти, основанной на иерархии и авторитете, эта модель напрочь сбивает все ориентиры»: общность народа как первичный источник суверенитета очень скоро подменяется негражданским обществом, за видимым единством которого не должна укрыться множественность интересов. (Леон де Бенуа говорит в этой связи о медийно-опросной демократии, зависимой от постановки «спектакля», в котором искусственно сконструированные мнения отрываются от публичного пространства: народное мнение занимает место народных выборов. Политическая легитимность отделяется и от выборных лиц, и от народа⁵.)

«Сегодня мы видим подавляющее доминирование управления над суверенитетом народа, от которого осталась лишь пустая оболочка», — констатирует Д. Агамбен. Воспринимать управление как исполнительную власть — ошибка, которая приводит к тому, что современная политическая мысль теряется за

³ Агамбен Д. Царство и слава. М. — СПб., 2018. С. 529—530.

⁴ Привод. по: Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011. С. 395.

⁵ Бенуа Л. Против либерализма. СПб., 2009. С. 250—254.

абстракциями и пустыми мифологемами вроде Закона «Общей воли» и народного суверенитета, не затрагивая «суть во всех смыслах определяющей политической проблемы», подлинная же проблема и сокровенная тайна заключены не в суверенитете, а в управлении, не в царе, а в министре, не в законе, а в полиции — иными словами, это как раз та «управленческая машина, которую они образуют и работу которой поддерживают»⁶. Перемещение и множественность центров власти, которые обнаруживаются в постмодерне XX в., не способны скрыть или отрицать колоссально возросшее давление новой анонимной и невидимой власти.

Политическое производство в самом начале своего существования было того же порядка, что и пространство неренессансного механического театра. В обоих случаях «теория являлась формой игры, а не системой представления, стратегией, а не идеологией — она предполагала наличие некоей виртуозности, но никак не истину»: политическое все еще оставалось игрой и не передавало себя во власть разуму.

Но начиная с XVIII в., и особенно с Революции, направление развития политического решительно меняется, оно принимает на себя функции выражения социального: «политическое теперь — это представление, и над игрой властвуют механизмы репрезентации», политическая сцена теперь отсылает к фундаментальному означаемому — народу, «общей воле». Социальное как бы овладевает политическим⁷. Индивид оказывается в теле социального, «народа», как «винтик в большой машине». Теперь уже политика окончательно становится техникой — игровые элементы начинают из социального пространства и заменяют строгие функции, сам человека превращается в «функцию без свойств» и индивидуальности. Отмечена парадоксальность сосуществования в недрах политических структур громадных машин уничтожения и учреждений, предназначенных «для заботы об индивидуальной жизни».

Для современной политики настоящая опасность возникает как раз из присущей биополитике новой игры, определяемой как отношение «пастырь — стадо». Даже либеральные режимы управления легко могут приходить от по-

зиции «хорошего деспота» для поддающихся улучшениям к суверенным вмешательствам с целью ограничить, принудить и устрашать, хотя бы только в порядке профилактики, тех, кто был признан «бесполезным»: авторитарная правительственность здесь демонстрирует ряд схожих черт с идеалами «хорошей полиции» XVIII в., составляя вместе с техниками социального управления только одну из главных стратегий контроля риска⁸.

Эпоха машинерии и автоматизации подчеркнет необходимость сочетаний функций управления с функциями контроля. С точки зрения либеральной технологии и рациональности управления управляющие могут участвовать в выборах управляющих, поскольку управление уже создано «исходя из самих индивидов»: здесь сам индивид как бы своего рода норма, и стандарт для управления и для того чтобы быть управляемым. «Институты представительства — это только управленческий ответ на произошедшую демократизацию суверенитета, способ управлять посредством раздробленности в народе и гарантировать строгое отделение управляемых от управляющих»⁹.

Государство всеобщего благосостояния, о котором мечтал еще Иеремия Бентам, рождалось как патерналистский механизм социального контроля, опирающийся на единообразное обеспечение, т. е. бюрократическое, иерархическое, иногда принудительное и деспотическое. Там, где политические и культурные движения стремились к утопическим образцам освобожденной самости, неолиберальные критики государства всеобщего благосостояния стремились «переопределить свободного субъекта как технический инструмент достижения управленческих целей»¹⁰.

Мечты должны были считаться целеполаганием. Экономический и политический либерализм, сопровождавший промышленную революцию, отвергал принуждающие техники суверенитета, предлагая взамен анонимную, рационализированную, но от этого не менее жесткую форму дисциплинарного управления. (Характерно, что тот же И. Бентам изобретает проект страшного и чудовищного «паноптикума», идеальной тюрьмы, в которой

⁶ Агамбен Д. Указ. соч. С. 453.

⁷ Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2007. С. 196—197.

⁸ См.: Дин М. Правительственность, власть и правление в современном обществе. М., 2016. С. 356—359.

⁹ Дин М. Указ. соч. С. 304—305.

¹⁰ Дин М. Указ. соч. С. 374.

контрольная и полицейская функции уже осуществляются в абсолютном и предельно рационализированном варианте. Техники контроля, изоляции и исправления соединяются в единый комплекс. В эпоху промышленной революции это проект был адекватным выражением всё побеждающего технического рационализма. Не менее важным направлением для этого образа мысли стала выработанная Бентамом техника юридической кодификации, технологии, которую напоминает разве что действенная логаритмизация производственных процессов на заводах Форда).

Но даже в своих наиболее бюрократических административных или ориентированных на рынок проявлениях управление — это всегда принципиально направленная на утопию деятельность. Управление исходит из недоказуемой предпосылки об улучшении ситуации в будущем. Оно осуществляется в заведомо благих целях, это принудительный путь к счастью. Во всяком случае, управлять — означает вести, и на этом пути либеральные движения достаточно скоро приобретают черты авторитарности с целью преодолеть непонимание со стороны ведомых: машина не терпит неопределенности.

Современная либеральная власть как бы приоткрывает свободу как техническую модальность и способна привести интересы социальных движений в собственный словарь и набор практических формул для пересмотра управленческой практики: свобода больше уже не является «естественной системой свободы» Адама Смита — теперь она «аппарат» цивилизации (Хайек)¹¹. Ф. Хайек предупреждал: сегодня величайшая опасность исходит от людей, казалось бы более всего нужных современному государству и имеющих в нем самое большое влияние, а именно от эффективных аристократов-экспертов, всецело поглощенных тем, что они считают общественным благом. Управление благосостоянием народа неизбежно приведет к созданию самовольно действующего и неконтролируемого аппарата, перед которым индивид беспомощен и который окружен мистикой суверенной власти. Рациональность метода только усугубляет проблему. Ведь еще Руссо уподобил теорию квадратуры круга в геометрии попыткам найти форму правления, которое поставит закон выше людей. «Идея

управления людьми... отталкивающаяся от природы вещей, а не от дурной природы человека, идея управления вещами, имеющая в виду прежде всего свободу людей, взаимно поддерживают друг друга: такова физика власти, где власть осмысливается в качестве действий в пространстве природы и одновременно как регуляция, отирающаяся на свободу каждого индивида, что и будет уже настоящей технологией власти», полагал М. Фуко¹².

2. Государство для себя: технократический цикл

Целью осуществления суверенитета являлось само его осуществление: благо в этом случае есть подчинение установленному сувереном закону, т.е. подчинение людей верховной власти. Суверенитет был нацелен на свою реализацию и замкнут на себя самого: закон и суверенитет составляли одно целое, поскольку суверенитет сам выступал в форме закона.

Целью же техник управления становятся вещи, которыми оно руководит, совершенствование посредством максимизации, интенсификации прочих управляемых процессов. Инструментами управления поэтому выступают уже не законы, а разнообразные техники. Закон явно перестает быть главным инструментом власти, и уже в XVII в. экономисты и функционеры говорят о том, что для достижения целей управления вовсе не обязательно прибегать к закону¹³.

Искусство управления как техника формировалось в XVI в. В связи с развитием административного аппарата территориальной монархии и новой науки — «статистики», задачей которой стала смена государственности, с точки зрения многообразия его качеств и измерений в плане различных факторов обеспечения его могущества. Статистика стала подменять собой «истину», т.е. тот критерий, который легитимировал и укреплял статус суверена. «Расследование» истины как метод уступило место отвлеченному количественному исчислению, тому, что позже будет действительно именоваться «цифрой».

Если доктрина государя или юридическая доктрина суверенитета указывали на разрыв и отсутствие заметных переходов между властью государя и любой другой формой власти, то концепция нового искусства управления

¹¹ Хайек Ф. Конституция свободы. М., 2017. С. 255, 341.

¹² Фуко М. Безопасность... С. 77.

¹³ Фуко М. Безопасность... С. 149—150.

стремилась обосновать тезис, согласно которому основные формы управления являются элементами непрерывной последовательности и связаны между собой как восходящей, так и нисходящей линиями перехода¹⁴. При этом управление было обращено к объектам, представляющим тесное взаимодействие людей и вещей.

Обращение управления государством на само себя можно описать как внедрение «правительности» в «управление», результатом чего станет «рефлексивное управление»¹⁵.

Рефлексивное управление означало, что целью управления становится преобразование существующих управленческих институтов и техник, при этом цели управления обращаются как раз на сами эти средства, а управление функционирует посредством активизации сил и способностей — уже существующих агентов и институтов. Системе придается «ускорение», причем не за счет усилий руководящего центра и «ручного» управления, а посредством предоставления большей автономии частям (известная историческая фраза: «берите суверенитета, сколько сможете»). Управление становится более множественным, рассеянным, оптимизирующим и уполномочивающим. Но и более дисциплинарно строгим и карательным. Национальное государство берет на себя не столько направляющую и распределительную роль, сколько координационную, посредническую и профилактическую¹⁶. (Это еще не «государство — ночной сторож» европейских либералов. Это скорее пульт управления машиной.)

Закон при этой тенденции обладает существенным негативным аспектом. Он предполагает неизбежный элемент случайности, однако его применение к конкретному случаю, как правило, порождает и несовершенную ситуацию. Поэтому он нуждается в дополнении и даже замещении гораздо более мощной и четкой силой, которая будет более непосредственно и зримо управлять индивидами: это и означает рождение «полиции», функция которой достигает государственной цели — «быть объединением как таковым» (Г. В. Ф. Гегель).

Практика власти здесь направлена как раз на то, чтобы управлять формами проведения, подобно «пастырству» или «правительствованию»:

власть, по мнению Фуко, по сути, принадлежит не столько к уровню столкновения двух противников или договора одного с другим, сколько к уровню общего управления.

Но там, где существует власть, всегда имеется и сопротивление, область развертывания власти не представляет собой область «мрачного и стабильного господства»: повсюду идет борьба, в которой можно наблюдать переход от господства к сопротивлению, от сопротивления к господству. Давление, исходящее от «машины власти», само порождает сопротивление, но машина не может останавливаться, инерция власти приобретает неосознанный, механический характер. Смысл отрицается как таковой: «движение — все, конечная цель — ничто». (Эрнст Юнгер полагал, что нигилистическое по своей сути действие сопротивления есть свободный «контрудар на первые беспорядки», хотя сами эти действия только обостряют происходящие процессы. Это приводит к тому, что право и бесправие в этой ситуации становятся почти неразличимыми. При этом нигилист — не преступник в обычном смысле слова, поскольку для преступления нужно, чтобы существовал и действовал определенный порядок. Для нигилиста не важно само преступление, «приход здесь совершается из морального контекста в автотрический. Там, где нигилизм стал нормальным состоянием, индивиду остается только выбор между видами несправедливости»¹⁷. И если власть не проявляется в форме права и закона, не имеет своего источника в государстве и не мыслится в политико-юридических категориях суверенитета, то и сопротивление также не принадлежит к сфере права и выходит за рамки того, что с XVII в. называли «правом сопротивления» (М. Фуко).

Юлиус Эвола заметил, что восстания и революции сегодня уже осуществляются не силами масс или идеями. Государственные перевороты утратили анархический и баррикадный характер, обретая взамен сугубо технический, «рабочий» характер. Сами массы приобретают черты некоей сфабрикованности благодаря процессам организации, которые контролируются единицами, в новых органических массовых конструкциях и движениях начинает проявляться действие той же мотрифической власти, кото-

¹⁴ Фуко М. Безопасность... С. 142.

¹⁵ Дин М. Указ. соч. С. 452.

¹⁶ Дин М. Указ. соч. С. 409.

¹⁷ Юнгер Э. Через линию. СПб., 2006. С. 31.

рая при помощи техники мобилизует материю. Коллективистская стадия теперь должна будет уступить место «четко дифференцированным и объективным единствам, для которых... характерно преодоление оппозиции органических и механических форм»¹⁸. Очеловечивание техники, однако, оказывалось много сложнее, чем технизация и механизация массы.

С XVIII в., с началом революции, политическая сцена морализуется и становится более серьезной. Она становится местом только одного, но фундаментального и многообразного означаемого «народа», «народной воли» социальных противоречий и т.д. — и призвана соответствовать идеалу положительной репрезентации.

Достаточно скоро народ превращается в массу — массы стали воплощать чистый объект политического (Ж. Бодрийяр). Теперь это только идеал абсолютной власти, «власти смерти над социальным телом». Массы воплощают пугающую мечту власти и одновременно являются пустым объектом, «нулевой материализацией; радиальным антителом, недоступным политической субъективности, а следовательно, абсолютно бесполезным и опасным.

«Уже не власть ведет за собой массы, а массы подводят власть к пропасти». Субъект может лишь эфемерно властвовать над объектом, но ему не удастся избежать восстания объекта — «молчаливой революции, отныне единственно возможной». Это скорее массовая революция, делегирование власти и ответственности либо политическим, либо техническим и общенациональным системам управления: это уже массовое отречение от воли. И самое глубокое желание — передать кому-нибудь другому: массы знают, что они ничего не могут, но они и не желают мочь.

Сегодня уже нет трансцендентности, лишь имманентная поверхность выполнения операций, гладкая операциональная поверхность коммуникации.

Фаустовскую, Прометеевскую эру производства и потребления сменила Протеева эра сетей, эра... подключения, контакта, смежности, обратной связи, всеобщего взаимодействия. Окружающий мир и наше собственное тело становятся экраном управления. Формальное,

операциональное абстрагирование элементов и функций ведет к замещению движений и действий тел электрическим или электронным управлением и включению в единый виртуальный процесс (Ж. Бодрийяр)¹⁹.

Это будто новый тип политического единства, который, с одной стороны, положит конец разрушительной революционной и динамической стадии, а с другой — станет подготовительным этапом к наступлению устойчивой и положительной стадии всемирного господства, которое Юнгер называл «рабочей демократией».

Вход в «мир работы» дает не борьба за свободу против государства, но утверждение особого понимания свободы, в которой господство и смерть составляют одно и то же. (Этому соответствует и преобразование парламентского института определенной технико-теоретической или функционально-иерархической государственности в некие органические конструкции: это станет возможным для некоего гештальта, типа, поскольку он обладает метафизической связью с техникой и считает своим новым объективным языком, соответствующий техническим средствам (Э. Юнгер)²⁰.)

3. Новая (био)политика

Способ мышления, который в XVII в. определялся как «политика», уже вполне соответствовал процессу возникновения управленческого интереса, основанного на рациональности. Правительственное вето, этот правительственный интерес очерчивал нечто такое, что было одновременно его принципом и его объектом, его основанием и его целью, этим «нечто» и было само государство: оно же становится и регулирующей идеей правительственного интереса.

Государство оказалось «схемой применения всей совокупности уже установленных учреждений», целью дальнейшей рационализации искусства управления, тем, что создает саму возможность управлять рационально²¹. Эта рациональность в силу своей природы исключает государственный интерес из подчинения закону: существует только государственная необходимость по отношению к самому государству.

¹⁸ Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005. С. 94.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Фантомы современности. С. 132—135.

²⁰ См.: Эвола Ю. Рабочий... С. 146—147, 151.

²¹ Фуко М. Безопасность... С. 375—375.

Политики начала XVII в. были теми, кто определил новое искусство управления в терминах, которые уже соответствовали мировому порядку, мировой мудрости и космической теологии. Теперь же они заявляли: следует найти интерес, внутренне присущий искусству управления, каковы его рациональные принцип и формы расчета.

«Экономисты» XVII в. изобразили искусство управления. Экономический интерес сообщил государственному интересу и новые формы рациональности; проявляется и новый тип управления: управление политиков, которое дает полиция, и управление экономистов, которое, как полагал М. Фуко, вводит нас в некоторые из основополагающих линий современного типа управления.

Всё столь же субъективной остается сама цель — увеличение сил государства в пределах внешнего равновесия и внутреннего равновесия в форме строя. Неестественность, абсолютная искусственность концепта означала разрыв со старой космической теологией: Искусственность этого государственного интереса вновь уступает естественности, но уже общественности механизмов.

Гражданское общество — это то, что управленческое мышление, новые формы управления, рожденные в XVII в., выявляют в качестве необходимого соответствия государству: теперь уже исключительно государство отвечает за общество и должно обеспечить управление этим гражданским обществом²². Чтобы управлять, следует иметь то, чем управлять, государство и общество разделились между собой — этот величайший кризис в машине власти будет еще долго давать знать о себе. Асимметрия властного устройства, нечетность разделения частей — для техники всегда чреватые конфликтом.

Стало очевидным, что государство не представляет собой некую законченную и целостную структуру и не обладает ни личной индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Поэтому более важным оказывается не процесс огосударствления общества, а процесс, который Фуко называл непроизносимым в русском переводе словом «обуправливание» государства. «Мы живем в эпоху управления, открытого в XVIII в. “оправительствованием” государственности, которое является в высшей

мере неоднозначным феноменом, ибо проблемы управления, техник управления... очень быстро стали единственной ставкой политики и единственным реальным пространством политической борьбы...» — но это оправительствование государственности только и позволило государству выжить: благодаря управленчеству, представлявшему собой одновременно и нечто внешнее, и нечто внутреннее по отношению к государству, стало возможным определение, что должно зависеть от государства и что не должно, что может быть публичным и государственным и что нет²³. Мегамашина власти разделилась: государство и общество встали рядом и друг против друга, претендуя с переменным успехом на первенство в управлении. В управлении как форме жизни, в управлении без конца.

Искусство управления и государственный интерес уже не ставили проблему начала: раз имеется управление, значит, уже имеется и государственный интерес, т.е. имеется и государство.

Государственный интерес и управление, им руководствующееся, не занимается спасением индивидов и даже не интересуется завершением истории, уже не мечтает о «последней империи»: «Теперь мы... оказываемся во власти мировоззрения, где время истории является бесконечным. Это неопределенность управления, для которого не предусматривается граница или конец. Мы оказываемся в открытой историчности, в силу бесконечного характера самого политического искусства, его неисчерпаемой креативности».

Идея вечного мира приходит на смену идее окончательной империи. «Всеобщий мир уже не будет следствием объединения в светскую или духовную империю», но станет способом равновесного сосуществования многих государств: «Всеобщий мир — это стабильность, приобретенная в многообразии и посредством нее», когда идея бесконечного управления сменится идеей процесса, идеей достижения, всеобщего благополучия и счастья²⁴. Как видим, прагматичное и технизированное управление так и не смогло стать идеологически нейтральным и не желает освободиться от утопических и виртуальных ориентиров: машина и ее существование нуждаются в оправдании.

²² Фуко М. Безопасность... С. 451—453.

²³ Фуко М. Безопасность... С. 162.

²⁴ Фуко М. Безопасность... С. 340—341.

Габриэль Марсель заметил, что центр тяжести и основания для равновесия у современного человека становятся для него внешними и он все более располагается в мире вещей, среди аппаратов, от которых зависит в своем существовании.

Чем эффективнее человек достигает господства над природой, тем в большей степени становится рабом своего завоевания. Между машиной и ее владельцем уже не существует никакой живой и духовной связи. Имеющие место силы институативы у тех, кто не в состоянии эффективно участвовать в техническом развитии, стремятся проявиться в маргинальных сферах, выражаясь при этом в чисто «подрывную деятельность». (Марсель видит в этом одну из причин, объясняющих, почему технической эпохе присуща тенденция стать веком революций²⁵.)

Но настоящей теневой стороной биополитики является ее неспособность прекратить практику войны, — техника постоянно снабжает ее все более изощренными орудиями убийства: кульминацией становления этой власти стало ядерное оружие. И если суверенная власть проявлялась в некотором воздержании от права убивать, то у биополитики такого ограничения не существует (по мнению М. Фуко, если геноцид и впрямь является личиной современных режимов власти, то не потому, что сегодня возвращается прежнее право убивать, а именно потому, что власть располагается и осуществляется на уровне жизни, рода, расы и массовых феноменов населения²⁶).

Фокусировка на управлении была призвана заменить понятие власти как подавления или запрета (М. Фуко возводил это отношение еще к юридико-политической теории суверенитета); «власть — это не столько противостояние двух соперников или подчинение одного другому, сколько вопрос управления... который касался не только политических структур или руководства государством; скорее он указывал, как можно управлять поведением индивидов или групп»²⁷. Здесь явно делается попытка обосновать принцип рационализации управления рациональным поведением тех, кем правят.

Начиная с XVII в. монополярная государственная власть над жизнью развивалась в двух основных формах, связанных друг с другом. Первым сформировался полюс, центрированный вокруг тела, понимаемого как машина: его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности, его включение в систему контроля. Это обеспечивалось специальными процедурами власти, составлявшими особую дисциплину тела, анатомо-политику человеческого тела.

Второй тип сформировался к середине XVIII в., он центрирован вокруг «тела-рода», пронизанного механикой живого, которая служит опорой для биологических процессов размножения, рождаемости и смертности. Варьирование этих процессов осуществлялось посредством целей серии вмешательств и регулирующих способов контроля. Мишель Фуко и называет как раз это биополитикой народонаселения: прежнее могущество сменяется здесь «скрытым управлением телами и расчетливым заведением жизнью»²⁸.

Поскольку человеческие процессы уподобляются играм с не до конца определенными правилами, проблема стабильности здесь сворачивается, но необходимость предвидения в самом процессе управления остается. Но Винер назвал два условия, гарантирующих политико-социальную стабилизацию в математическом смысле. Это наличие достаточной степени невежества игроков, эксплуатируемых квалифицированным игроком, который может планировать метод, «передающий сознание масс», и наличие доброй воли, чтобы позволить кому-либо ради стабильности игры передать свое решение игроку, который имеет произвольные преимущества.

«Колебания между неопределенным и бурным характером человеческих дел и приходом Левиафана» создает риск появления «огромного мирового государства», где сознательная примитивная несправедливость может стать единственным возможным условием для «статистического счастья масс, порождая мир, худший, чем ад»²⁹.

²⁵ Марсель Г. Люди против человеческого. СПб., 2018. С. 59—61.

²⁶ Привод. по: Дин М. Указ. соч. С. 342.

²⁷ Цит. по: Дин М. Указ. соч. С. 145.

²⁸ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 244—245.

²⁹ Винер М. Творец и будущее. М., 2003. С. 210.

4. Истоки «дисциплинарной власти»: пастырство и суверенитет

Истоки идеи управления располагались на Востоке. Оттуда их и воспринял Платон. Но образ «доброго пастыря» весьма подробно и эффективно разработало уже христианство. У греков боги не играли столь важной роли пастухов человечества: власть пастыря — это власть, относящаяся не к территории, но к стаду в его перемещении и движении. А греческий бог — это как раз бог территории, а еврейский бог — бог идущий, бог-скиталец.

Пастырская власть определяется еще и как благодетельство, она существует только потому, что сама несет благо. Пастырская власть выражается в усердии, самоотверженности, бесконечной старательности. Это индивидуализированная адресная власть — ни один индивид от нее не может ускользнуть.

«Западный человек... тысячелетиями учился искать для себя спасения у пастыря... Самая необычная и самая характерная для Запада форма власти... родилась... не в степях и не в городах. Ее прародителями были не кочевники, не первые империи». Родилась она по образцу «пастырства», «политики, понимаемой как пастырский дом»³⁰. Но настоящая история пастырства как особого рода власти, как модели процедур управления начинается не ранее, чем утверждение христианства.

Пастырство, как некая переходная форма власти, смещает смысловое отношение к закону, вводит практику послушания, полного и безоговорочного, осуществляет индивидуализацию через послушание. Оно, по мысли М. Фуко, служит наброском, предвестием того феномена, который в XVI в. станет управленчеством: «под покровом закона, спасения, истины устанавливались “отношения совсем другого типа”... Это и было предвестие управленчества». Пастырство идейно не совпадает ни с политикой, ни с риторикой. Это — техническое искусство ментально управлять людьми, точка формирования управленчества, которое появилось в XVI—XVII вв. Вот тогда управленчество и становится рассчитанной и обдуманной политической практикой.

Пастырство имеет отношение и к закону, и к истине в том плане, что подчиняет их общей

цели — спасению: христианское пастырство вводит иную, чуждую греческой практике организационно-инстанцию чистого послушания как единый тип поведения³¹.

Пастырство подготавливало приход новой, более формализованной властной системы.

Идея суверенитета в Средние века выражалась в возрождении римского права и конститутировалась непременно в связи с идеей монарха и монархии. Вполне соотносясь с существующими механизмами власти феодальной монархии, она использовалась как инструмент в процессе создания великих административных монархий. Начиная с XVI в. в эпоху религиозных войн эту идею использовали как для ограничения, так и для укрепления королевской власти.

Монарх воспринял полумифические черты пастырской власти, формируя собственный политический миф. «Отец народов» приобретает четко выраженный юридический статус, подчиняя его целой системой норм и символов. Императивные предписания приобретают большую категоричность и после резко расширяют среду своего применения. Управляющие команды-приказы переформируют структуры самой машины власти. Алгоритмы управления создают новые технологии для нарождающегося суверенитета.

Когда в XVII и XVIII вв. возникает новая механика власти с их особыми процедурами, этот тип власти осуществляется уже путем непрерывного контроля, создав плотную сеть материального принуждения, оттеснив физическое существование суверена и определив новую экономическую политику для власти: если теория суверенитета предполагала прежде всего власть над землей и территорией, а не над людьми и их делами, то новая дисциплинирующая власть адресовалась уже непосредственно к человеку, его телу и его делам³². «Винтики» мегамашины проникались ее идеологией и целями, в отягощенном механизме все его детали работали в полном согласии с целями. Тогда же была отмечена первая серьезная попытка переместить «машину власти» на новый фундамент. Все то, что прежде машина делала все же с некоторой оглядкой на божественное право, опираясь на военные и околвоенные организации, теперь делалось лишь в малом

³⁰ Фуко М. Безопасность... С. 168—169.

³¹ См.: Фуко М. Безопасность... С. 231—237.

³² Мамфорд Л. Миф машины. М., 2001. С. 346.

масштабе, небольшими сообществами людей, которые видят в техническом устройстве своей системы не рабское проклятие труда, а часть нравственной жизни свободного человека (из 72 глав бенедиктинского устава 29 были посвящены дисциплинам и наказаниям, 10 касались внутреннего распорядка. Авторитет, послушание и повиновение старшим по числу стали частями этой «беспилотной и наделенной нравственным смыслом мегамашины»: в XII в. цистерцианцы уж имели вполне централизованную систему управления).

Не наблюдалось резкого перехода от религиозного «пастырства» к иным формам «поводырства» и руководства. Имело место лишь обострение, расширение, обобщение проблем и техник поведырства.

«В XVI в. начинается настоящая эпоха поведырства, руководства, эпоха управленчества». «Мир целиком динамический, антропоцентрический, мир обетований, чудес и знамений... мир аналогий и шифров — именно это образует явную форму пастырского управления миром, вершимого Богом», этот мир к середине XVII в. исчезает. Рождается мир, который раскрывается согласно математическим или классификационным формам, которые уже не подразумевают аналогии и цифры: М. Фуко называет его «расправительствованием космоса». В конце XVI в. его называли *res Publica*.

На место закона приходит искусство управления и государственный интерес. Вместо господства над территорией возрастает господство над людьми. Государственный интерес — это техническое знание о средствах, способных сохранять и увеличивать господство. Он в большей мере охватывает сохранение государства, чем его расширение. Принципы природы и государственный интерес становятся главными системами знаний и техник, которые были нужны и даны современному западному человеку³³.

М. Фуко заключал: даже датируя окончание пастырской эпохи концом XVII в., вероятно, ошибались, так как пастырская власть в ее типологии, организации, в характере ее функционирования продолжает так или иначе сопровождать нас по сей день. Эта эпоха продолжалась с XII в. и вплоть до XVIII в. Еще Реформация представляет великий конфликт по поводу пастырства.

Итогом шквала возмущений и мятежей, который начался в XIII в. и в общем и целом стал только в XVII—XVIII вв., явилось именно впечатляющее усиление пастырской власти. Но настоящих антипастырских революций так никогда и не произошло, а пастырство так и не извело глубокого равноценного процесса, который угрожал бы оставить его в прошлом: пастырство слишком долго оставалось «Технэ технон», высшей техникой, пригодной для всех времен. (Задолго до XVII—XVIII вв. место высшего из искусств, принадлежащее философии, заняло пастырство, искусство обучать одних людей как управлять другими, а этих других — обучать управляемости³⁴. Пастух — тот, кто вершит закон. Отсюда созвучие — номос-закон и номос-пастух. Дух пастырства еще долго сохранялся в политических системах Европы, предпочитая, конечно же, авторитарные и тоталитарные режимы.)

История свидетельствует, что у всех мигрирующих и кочевых народов в эпохи великих переселений складывалась некая общая форма управления, которую позже называли численной или «десятичной». Она была известна германским варварам, римлянам, монголам; даже оседая и локализуясь, эти народы сохраняли реликты этой системы при устройстве своего административного и территориального управления. Численная система продолжалась в первых переписях населения, скота и имущества, она же лежала в основании государственной статистики в Европе XVII в.

Определенные морализующие моменты, свойственные пастырству, уступают место жестокому техническому рационализму управления. Администрирование как метод появляется в условиях суверенитета и окончательно складывается уже в системе дисциплинарных обществ. Смена субъектов властвования от пастыря к королю сделала государство главной фигурой в дисциплинарном государстве как во внутренних, так и во внешних отношениях управления.

М. Фуко определяет нарождающийся тип государства («произведение искусства») как сложносоставную реакцию, мифологизированную абстракцию, поскольку в современных условиях наиболее значимым оказывается не этапизация общества, а наличие «управленческого государства», которое и начало возникать в XVIII в.

³³ Фуко М. Безопасность... С. 312—314.

³⁴ Фуко М. Безопасность... С. 210—211.

Средневековое «государство правосудия», выросшее на территории «феодалного типа» и соответствовавшее «обществу закона» (обычно и писаного права), в XV—XVII вв. уступило место уже на территориях с четкими границами административному государству с его уставами и предписанием: третьим этапом развития государственности, таким образом, стало «управленческое государство», определяющееся не территорией, не занимаемой площадью, но массой, совокупностью, объемом и плотностью населения³⁵. (Термин «дисциплина» обозначает как установившийся порядок, так и сам процесс его установления. Здесь же имеет место аллюзия на научное толкование термина, в котором все подчеркивается регламентированностью, классификацией объектов управления.)

Механическое повиновение достигалось путем различных символических и практических ухищрений, прежде всего — созданием непреодолимого психологического барьера между правителем и всеми, кто пытается к нему приблизиться: особа царя, неприкосновенная и неприкасаемая, сакрализуется. Муштра и послушание постепенно превращали людей в «вещи», которые одним царским приказом могли быть использованы как покорное стадо: «Под мистической аурой абсолютной власти, функции которой впоследствии возьмет на себя машина, формировались и выполнялись исключительно уникальным институтом царской власти»³⁶.

(То, что вплоть до XVIII в. придавало смерти ее значительность и высокую ритуализацию, оказалось вдруг переходом от власти суверена типичного, земного лица к власти суверена другого лица. Происходит переход от суда одной инстанции к суду другой инстанции, от государственного права к праву вечной жизни, от одной власти к другой. Тогда в условиях суверенного права смерть была феноменом, в котором смерть стала олицетворять момент, когда индивид ускользает от всякой власти: в этом случае область больше не имеет отношения к смерти³⁷.)

Суверенитет был особой формой власти над «вещами» — он носил «изымающий» характер и опирался на жесткую технику изъятия, реа-

лизуясь через право, чтобы «заставить умереть или позволить жить». Форма же правления, отличная от суверенитета, также явилась как власть над «вещами», но такой, которая стремится к их приращению, к увеличению средств существования, богатства, силы и величия государства, т.е. следует скорее продуктивной логике³⁸.

Суверен мог править лишь в той мере, в какой он сам образовывал часть континуума, нисходящего от Бога к отцу семейства, проходя через природу и пастырей. И здесь тоже не было никакого разрыва. Бог управляет миром на основе всеобщих законов, непререкаемых и универсальных, доступных измерениям и математическому анализу.

Но Бог не управляет миром как пастырь, он царствует над миром посредством принципов. Мир же, управляемый пастырски, — это мир конечных причин, устремленных к человеку, поэтому природа в пастырском управлении населена чудесами, обетованием и знамением, которые человека направляют, обозначают и предупреждают. Их следует только правильно толковать: «суд божий», ордалий был все еще пропитан магическими реминисценциями.

Средневековое «расследование» как процесс поиска истины представляло собой известный процесс управления, метод администрирования, вид руководства, т.е. определенный способ осуществления власти. «Расследование является производным от определенного типа властных отношений и осуществления власти. Оно внедряется в правовую структуру благодаря Церкви и, следовательно, в самом своем основании пронизано религиозными категориями».

С этого момента в судебную практику вносится понятие «правонарушения», а «ущемление суверена и совершение греха становятся смыкающимися действиями». В это время алхимия выступала как некая натуралистическая форма дознания, образуя свод правовых правил и процедур: новое знание пришло в качестве модели в матрицу расследования³⁹.

(Легалистская, чисто социальная, практически коллективистская теория наказания (например, у Беккариа) к XVII в. была искажена

³⁵ Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть. М., 2005. Ч. 2. С. 208—209.

³⁶ Мамфорд Л. Указ. соч. С. 242—243.

³⁷ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 262.

³⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 254.

³⁹ Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть. М., 2005. Ч. 2. С. 96—98.

так называемой теорией «наноптизма», устанавливающей индивидуальный надзор не за тем, кто что делает, но за тем, кто кем является, не за сделанным, но за тем, что может быть сделано: «При наноптизме террор стремится все более конкретизировать виновника поступка и перестает интересоваться правовой природой, уголовным характером самого поступка». Государство в этой системе представляется в виде определенного пространственного и социального расположения индивидов, где все подчинено одному единственному наблюдателю⁴⁰.)

Принципиальная рациональность как вид рациональности, предположительно представляющий первичные принципы в действии, может только благодаря абстракции настолько отделиться от самих этих принципов, что мог произойти возврат к более конкретным предписаниям или отказ от таких абстрактных правил, основанных в «далеком прошлом на священных собраниях», т.е. традиций⁴¹.

Машине известны концептуальность ее развития, она подменяет прогресс, но ей неизвестна традиция с ностальгическими обращениями к прошлому, с грустью по утраченным возможностям. Но она не извлекает уроков из своих ошибок. Кибернетическая обратная связь совершенно бесстрашна.

Для Дж. Вико математика была настоящим «осуждением разума от проходившего его социального субстрата». Рационалисты же, измеряя человека своей меркой и по собственному образу, тем самым интерпретируют реальность. Суверенная интерпретация позволяет власти делать истину по своему усмотрению. В этом перформативном акте не устанавливают действия естественного закона. Закон должен быть создан из единой точки, чтобы положить предел противоборству частных разумов. Вико противопоставлял такому механико-математическому пути метод проникновения в темные и грубые начала человеческой истории, непосредственно недоступные рациональному анализу: на место гоббсовского договора рациональных индивидов у него выступает «хитрость абсолютного разума»⁴².

Начиная с XIX в. все дискуссии, ставившие под вопрос общую систему власти, уже не возвращают нас к прежним правам или к тысячелетней грезе о круговороте времен и Золотом веке. Больше уже не ждут ни императора бедных, ни царства «последних дней». То, что действительно служит целью, — это сама жизнь, понимаемая в терминах фундаментальных потребностей, конкретной сущности человека, осуществления его виртуальностей. Жизнь в большей степени, чем право, становится ставкой в политических битвах и не имеет значения, если речь идет даже об утопии⁴³.

В XIX в. произошло серьезное изменение в области политического права: в дополнение к старому праву верховной власти — заставить умереть или позволить жить — началось действительно новое право, которое не уничтожило первое, но проникало в него, пронизывало и создавало новое властеположение — заставить жить и позволять умереть.

Уже юристы XVII и XVIII вв. ставили вопрос о праве на жизнь и на смерть: суверен создавался договором для того, чтобы он предоставлял право жить. В это время и возникают те самые техники власти, которые в основном были ориентированы на тело, индивидуальное тело: имеются в виду все процедуры, с помощью которых обеспечивалось пространственное распределение индивидуальных тел (их разделение, выравнивание, установление их серийности и контроля за ними) и всей системы наблюдений за ними. Это были техники, с помощью которых власть брала на себя ответственность за эти тела, пытаясь увеличить их полезную силу путем дрессировки. Сюда же относятся и техники национализации и строгой экономии власти, которая должна была возможно дешевле ограничивать системы наблюдения, иерархий, инспекций: с конца XVIII в. утверждается дисциплинарная технология труда⁴⁴.

Дисциплина оказалась способной управлять множественностью людей, поскольку эта множественность может и должна превратиться в индивидуальные тела, подлежащие надзору, дрессировке, использованию, наказанию, и уже

⁴⁰ Фуко М. Истина и правовые установления. С. 123—125.

⁴¹ Беккер Г. Современная теория священного и светского // Современная социологическая теория. М., 1961. С. 185.

⁴² См.: Иванова Н. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. М., 2014. С. 145—146.

⁴³ Фуко М. Воля к истине. С. 250.

⁴⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 255—256.

после анатомо-политического тела XVIII в. можно было отметить нечто другое, что позже будут называть «биополитикой».

5. «Дисциплинарная власть» — третья технология

С конца XVIII в. стали параллельно существовать две взаимодействующие технологии власти. Техника дисциплинирования была сосредоточена на теле, манипулировала им как центром сил, стремясь сделать тела одновременно полезными и послушными.

Технология же, которая была ориентирована не на тело, а на жизнь, заново группировала присущие населению массовые действия, стремясь контролировать серию случайных событий, могущих произойти в живой массе, контролировать вероятность, чтобы компенсировать ее последствия. Такая технология стремится уже к сохранности в целом по отношению ко внутренним опасностям. Технология дрессировки стала противоположностью технологии безопасности.

Дисциплинарная технология отделялась также от технологии страхования или регулирования: в одном случае используется технология, где тело индивидуализировано как организм, наделенный страстями, а в другом технология имеет дело с телами, помещенными в массовые биологические процессы⁴⁵. Мыслить социально стало означать веру в аппаратуру и организацию.

Массовость, сопутствующая технологическому прогрессу, становится определяющим фактором. Растворяемый в массовом процессе индивид теряет свою автономию и даже личность (метки, которые выявляют в этом процессе, предназначаются ему машиной власти. Эта власть гарантирует ему безопасность и комфорт, она для него отец и пастырь).

Алоиз Токвиль в «Демократии в Америке» дал впечатляющую картину уже господства дисциплинарной власти: над всеми толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, допотопна, справедлива, предусмотрительна и массова. Власть эта стремится к

тому, чтобы сохранять людей в их «младенческом состоянии», она работает для общего блага, но при этом желает оставаться единственным уполномоченным и арбитром: «Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?»⁴⁶ (Явно напрашиваются аналогии с Ницше. «Духовное просвещение — безопасное средство сделать людей неуверенными, слабовольными, нуждающимися в связи и опоре... самообман в этом пункте, например в демократии, очень ценен: унижения человека и управляемость им рассматриваются как прогресс», для этого и создается новый слой господ, который «мыслится как возникший из обратного торжеству посредственности движения и о котором говорится, что он должен стать ограничением для особых изысканных растений» и делится на два типа: пастухов и «господ», первые — средства для сохранения стада, вторые — цель, для которой стадо существует».)

За государственным интересом, правом и законом всегда стоит сила, действующая посредством дисциплинарных принуждений и приведения к норме: механизм власти сводится в основном и главном к репрессии и столкновению сил: «политическая власть, ведя своего рода тайную войну», стремится вписать это соотношение сил в институты. Поэтому репрессия — это не просто угнетение и злоупотребление, это простое следствие и преодоление отношений господства. «Репрессия является... приведением в действие вечных силовых отношений внутри того псевдомира, которые представляют собой просто результат непрерывной войны». (М. Фуко предлагает две схемы анализа власти: «договор-унижение», т.е. юридическую схему, и «господство-репрессия», в рамках которой устанавливается не противоположность законного и незаконного, как в первой схеме, а противоположность борьбы и подавления⁴⁷.)

В XVIII в. и начале XIX в. теория суверенитета все еще оставалась орудием критики, направленной против монархии. Созданные на ее основе юридические кодексы позволяли наложить на «дисциплинарные механизмы систему права и таким путем замаскировать ее методы, сгладить в дисциплине неприглядные черты господства и техники господства». Юридические

⁴⁵ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 263.

⁴⁶ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. Т. 1. Ч. 2. С. 407.

⁴⁷ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 37—38.

системы, будь то теории или кодексы, позволяли осуществлять демократизацию суверенитета, утвердить государственное право, основанное на коллективном суверенитете.

Дисциплинарные техники принуждения все же стали использовать в качестве своих механизмов господство, но преподнося его в качестве методов наиболее эффективного употребления власти. Это потребовало присутствия в юридическом устройстве формализованных кодексов, в которых как бы заново была возрождена теория суверенитета. С XIX в. и до наших дней существует законодательство, система государственного права, основанная на принципе суверенитета общества и делегирования каждым его суверенной воли государству, с другой стороны — разветвленная сеть дисциплинарных принуждений: в этом пространстве суверенного права и дисциплинарных механизмов и функционирует власть.

«Дискурс дисциплины, по сути, был чужд дискурсу закона, но он чужд и дискурсу порядка как результата проявленной суверенной воли. Формы дисциплины выступают... посетителями дискурса порядка, но не юридического порядка, исходящего из суверенитета, а дискурса “естественного”, т.е. нормы. Они определяют не кодекс законов, а кодекс нормализации, и обязательно связаны с теорией, но не права, а общих гуманитарных наук»⁴⁸.

Дисциплинарные нормализации на практике все чаще наталкиваются на юридическую систему суверенитета, демонстрируя их несовместимость с ней, поэтому все более необходимым становится арбитражный дискурс — своего рода одновременно власть и знание, который успешно представляется нейтральным в силу его научной сакрализации. Машина, обладая собственной волей, диктует свои правила, но как что-то ирреальное не принадлежит к действительности, поскольку является средством для достижения чего-то несуществующего (Ф. Юнгер).

Формы дисциплины имеют явную тенденцию выходить за институциональные и локальные рамки, легко принимая государственные масштабы. Рождение крупных форм глобальной регуляции уже в XIX в. можно было заметить как на государственном уровне, так и на более низком уровне негосударственных институтов. Два типа механизмов — дисциплинарных

и регулятивных, взаимодействуя, располагались на этих разных уровнях. Дисциплинарные механизмы работали с индивидом и его телом; новые технологии власти имели дело уже не с обществом (в понимании юристов) и не с «индивидом-телом»: они ориентировались на новое, более сложное тело со множеством голов, если не бесконечным, то по крайней мере нуждающимся в перечислении. Тело это выражалось понятием «население», биополитика имела здесь дело сразу с политической проблемой биологии и политикой как техникой власти⁴⁹.

Новой парадигмой власти становится ее биополитическая природа: биовласть оказывается такой формой власти, которая регулирует общественную жизнь как бы глубже, следуя ей, интерпретируя, поглощая и заново артикулируя ее. «Сама жизнь становится объектом власти», и ее (власти) наивысшая функция — охватить все сферы жизни, а важнейшая задача — управлять жизнью. Если дисциплинарность закрепляла индивидов внутри институций, но не достигала полностью проникновения в их сознание и охвата жизни в ее целостности, то биополитическая власть целиком поглощает социальное тело машиной власти: тогда «общество, поглощенное властью, добравшейся до центров социальной структуры и процессов ее развития, реагирует как единое тело». Прообраз технической организации общества мы находим уже в симбиозе аппаратуры и организации в конструкциях Сен-Симона.

М. Фуко тщательно и с осторожностью исследовал переход от дисциплинарного общества к нарождающемуся обществу контроля: в первом — социальное управление осуществлялось посредством разветвленной сети диспозитивов или аппаратов, производящих и регулирующих обычаи, привычки и производственные практики. Функционирование такого общества, подчинение его правилам и механизмам включения или исключения достигалось при помощи дисциплинарных институтов (тюрем, школ, больниц и т.п.), которые структурировали социальную территорию, управляя посредством структурирования параметров и границ мышления.

В обществе контроля механизмы принуждения становятся более демократичными и имманентными социальному полю. «Практики

⁴⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 56—57.

⁴⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 259. См. также: См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 36—37.

социальной интеграции и исключения, свойственные системе управления, все более становятся внутренней сущностью самих субъектов: теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую и целенаправленно воздействуют на умы... формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений»⁵⁰.

Фридрих Юнгер был уверен в том, что в технике заключается некое живое демоническое начало. «Демонические черты проявляются во всей работе технических устройств со все возрастающей силой». Сама техническая мысль, которая сочетает в себе каузальное и телеологическое мышление, способствует этому. Демоническое начало разворачивается в полную силу в условиях той принудительной организации, задача которой — подчинить стихийные силы аппаратуры, следствием чего является регресс как результат этого насилия, направленный непосредственно против человека. В технической организации есть что-то от допотопного чудища, т.е. она носит тот же титанический характер... «Автоматизму свойственны черты подводного царства, он вызывает ощущение обморочного безволия...»⁵¹

Личная свобода в этой ситуации возникает только как побочный продукт борьбы за власть, а не как результат осмысленного стремления (Ф. Хайек). Ведь никакая насильственная революция не повышает уважения к действующему закону. Автор Гражданского кодекса Франции, обращаясь к законодательству собрания, заявил: «Это пылкая решимость насильственно принести все права в жертву революционным целям и не признавать больше никаких соображений, кроме не поддающихся определению и переменчивых представлений о том, чего требуют интересы государства», и уже по результатам самой революции Токвиль прозорливо замечал: «Единственное, чего не затронула революция и что пережило все превратности последующих десятилетий, — это власть административного аппарата»⁵².

Искусство управлять состояло не просто в восстановлении какой-то сущности, а в том, чтобы манипулировать, поддерживать, рас-

пределять, восстанавливать соотношение сил в пространстве, конкуренции, т.е. в области соотношения сил, а это означает выделение политических технологий. Одна из них образована процедурами, сохраняющими равновесие, вторая (которую назвали «полицией») представляла собой форму общности и объединения, которым управляла публичная власть: в таком значении термин использовался вплоть до XVII в., когда к этому присоединялась еще и совокупность соответствующих активов.

С XVII в. полицией стали называть совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, это — рациональный расчет и техника, позволяющие установить мобильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил, его величия⁵³. (Под «полицией» будут понимать также совокупность особых законов и правил, касающихся внутренней жизни государства и стремящихся укрепить и увеличить его могущество: его математическим выражением станет статистика.)

Там, где полиция использовала апробированные техники суверенности, чтобы реализовать «право на смерть», авторитарная власть связывала осуществление суверенитета и его инструментов смерти с властью над жизнью уже на уровне целого населения и рас⁵⁴. «Только поняв, как пастырская забота об этом новом стаде, населении, соединяется внутри государства с современным гражданством», можно оценить характеристику, данную Фуко современным государствам, — «демонические». Он говорит о «демонических обществах», в которых проявляется напряженность между либеральными целями и тираническими средствами: авторитариум либеральных форм управления начинается с момента, когда «пастырская» власть принимает форму биополитики контроля за жизнью и форму суверенитета, которая развенчивает закон и права, чтобы ограничить, предложить гарантии, обезопасить и узаконить работу биополитических программ и дисциплинарных практик⁵⁵.

Ради чрезвычайного характера вмешательства государства развивается и новая форма

⁵⁰ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 35—36.

⁵¹ Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002. С. 172.

⁵² См.: Хайек Ф. Указ. соч. С. 257—258.

⁵³ Фуко М. Безопасность... С. 406—407.

⁵⁴ Дин М. Указ. соч. С. 229, 359.

⁵⁵ См.: Дин М. Указ. соч. С. 327.

права, которую можно назвать «правом политики». Изначальный неявный источник имперского права лежал в практических действиях полиции и ее способности к становлению и поддержанию порядка, и поэтому и «юридическое право на применение чрезвычайного положения, и возможности использования полицейских сил становятся двумя изначальными координатами, определяющими саму имперскую модель власти»⁵⁶.

Полицейское право при этом легитимируется универсальными ценностями так же, как чрезвычайное положение оправдывается обращением к неотъемлемым ценностям справедливости и моральным принципам: «В империи этика, справедливость, мораль чудесным образом оказались вместе в новом измерении».

Полиция может быть описана как «внутренний компонент государственного интереса или как техника гражданского благоразумия»: внутренний выбор техник и воплощаемая ими рациональность и есть сама полиция.

Если давление капитала в обществе контроля и биополитики определяет сферу эксплуатации и ее границы, то прямое принуждение определяет сферу и границы господства. Во второй половине XVIII в. государства начинают переходить от почти универсальной системы непрямого управления к новой системе прямого управления — вмешательству без посредников в жизнь местных общин, домохозяйств и производственных предприятий, т.е. от репрессий реагирования к упреждающим репрессиям. Учреждаются системы надзора и информирования правительства, так что теперь за предвидение и предупреждение движений, угрожающих государственной власти или благополучию «главных клиентов государства», отвечают местные и региональные власти: национальная полиция проникает в жизнь местных общин⁵⁷.

6. Победа техники: нормирование и биовласть

Ганс Кельзен попытался проследить развитие идеи причины из идеи вины в процессе перехода от мистического мышления к мышлению рациональному; Макс Шелер одновременно исследует последовательность типов социальной интеграции: для первой стадии характерно

доминирование кровных и родственных отношений, для второй — налицо преобладающее значение политической власти и власть над природой; для третьей, современной — возрастающая роль экономических стимулов. Новая промышленная революция превратила экономическое мышление в настоящую религию современности, правовой форме отводилась роль более или менее активной надстройки над экономическим базисом.

Законная форма когда-то позволила суверенитету стать инструментом в процессе создания великих административных монархий и одновременно формой их обоснования. На теоретическом уровне суверенитету придавалась юридическая форма, привязывающая его реализацию к закону, принципам права и юридическому субъекту: эту попытку предприняла теория «общественного договора».

Системы суверенитета и закона «позволили наложить теорию права на механизмы дисциплины таким образом, чтобы скрыть ее действительные методы и главным образом элементы господства». Закон как типичный инструмент суверенитета уже в позднее Средневековье также подвергся существенной трансформации: из юридической системы, нацеленной на кодификацию и выражение власти монарха, закон превратился в инструмент нормативного порядка, часть сложных аппаратов и практик нормализации⁵⁸.

Право само становится частью институтов нормализации, и начинает функционировать преимущественно норма. Суверенитет демократизируется и связывается с юридическими и политическими правами граждан, а нововременные формы власти начинают артикулировать элементы суверенитета уже при помощи элементов биополитики: происходит окончательное отделение управления от суверенитета.

Управление государством становится независимым от представлений о суверенности от данной государю идеи (идея была сформулирована Гоббсом, Бодэном и Суарисом и была дополнена абсолютистскими формами и техниками управления государством, не зависимыми от разных версий суверенитета уже в начале XVII в.).

Суверенитет предполагал право суверена забрать жизнь и позволить жить подданному.

⁵⁶ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 31.

⁵⁷ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. М., 2009. С. 172—173.

⁵⁸ См.: Дин М. Указ. соч. С. 280—281.

Но уже в юридических теориях XVII—XVIII вв. суверенитет ограничивается территориально: он делает своей основной целью продолжение самого себя⁵⁹.

Дисциплинарная власть составляет фундамент всего здания власти, верхние этажи которого занимает государственная власть. «Здесь государственное насилие... имеет скрытую форму, оно запрятано под оболочкой закона, права, зато ниже уровня центральной власти в обществе царит сила, действующая не от имени закона, а при опоре на правила внутреннего распорядка, характерная для таких институтов, как тюрьма, школа, армия: такова дисциплинарная (или дисциплинирующая) власть, которая уравнивает индивидов, наставляется путем дисциплинарных принуждений и приведения к норме⁶⁰. (Бесспорность государственных предписаний заставляет признать себя с тем большей силой, что государство навязывает когнитивные структуры, в соответствии с которыми его только следует воспринимать. Физическая количественная сила всегда на стороне управления: правители в качестве своей опоры не имеют ничего, кроме мнений. Поэтому правление основывается только на мнениях, и это правило распространяется как на самые деспотические и диктаторские правления, так и на самые свободные и демократические (Давид Юм): речь здесь идет, конечно же, о докситическом подчинении установленному порядку, о врожденной склонности к подчинению⁶¹.)

Законы, по мере того как их содержание делается все более конкретным, постепенно превращаются в приказы: воля вождя в каждом случае предписывает каждую деталь действия, его люди будут простыми орудиями, лишенными возможности использовать собственные знания и суждения. Подавляющее большинство законов — это скорее инструкции, выпускаемые государством для своих служителей по поводу того, каким образом они должны руководить аппаратом и какие средства для этого будут в их распоряжении⁶².

Техническая нормализация стремится уразднить это политическое измерение под при-

крытием дискурса «нейтральности» и управления: тем самым происходит подмена юридических норм техническими нормами.

Политическая неустойчивость, неизбежная в рамках демократии, уступает место стабильности «технических администраторов», в связи с чем предполагается максимально развести политику и экономику.

Политика оказывается где-то между моралью и экономикой, при этом полагают, что тем самым устраняется конфликтная составляющая человеческого общества, забывая, что политика как целеполагание и выбор непременно будет включать в себя эту составляющую: трансформация политических проблем в технические несет в себе только новый вид принуждения, поскольку подразумевает подавление самого выбора⁶³.

Властные устремления техники направлены на подчинение государства, в котором технику более всего привлекает его организационная структура, предполагают ее замену на техническую организацию правовой нормы, которая должна быть заменена технической нормой и техническим предписанием. При этом техника явно склоняется к логике естественного, но не исторического права. Определения, основанные на доверии, и право, основанное на законах: юридическая техника как техническое предписание носит одновременно диспозитивный и каузальный характер⁶⁴.

Предполагается также, что нейтрализация политики будет происходить путем ее приватизации, которая значительно извращает саму суть политического, имеющего своей естественной средой именно публичное пространство.

В некоторой перспективе идея управления может быть способна стать глобальной идеологией замещения государства как такового. Но для этого политические процедуры должны быть переведены в сугубо административные. С этой целью закон как способ конструирования политики вытесняется соглашениями. В законодательной деятельности предпочтительны общие принципы, нормы, правила, процедуры, рамочные директивы. В связи с этим предпри-

⁵⁹ Фуко М. Безопасность... С. 149.

⁶⁰ См.: Фуко М. Нужно защищать общество. С. 8.

⁶¹ Привод. по: Бурдые П. Дух государства. Поэтика и политика. СПб., 1999. С. 157; Юм Д. О первоначальных принципах правления. М., 1996. Т. 2. С. 506—514.

⁶² Хайек Ф. А. Конституция свободы. М., 2018. С. 189, 277.

⁶³ Бенуа Л. Указ. соч. С. 241—243.

⁶⁴ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 137—139.

сываемые управлением меры являются только переходными и изменяемыми. Но в новой ситуации принцип постоянства закона постепенно вытесняется конвенциональными нормами и кодексами: нормы стремятся заменить собой закон в качестве простого предписания, подходящего к случаю и продиктованного техническими аргументами: принцип договорных отношений предпочитается принципу законности; в мире, где господствует информация и ее производные — разум, величие, образы, — непременно будет навязываться образ мыслей, наиболее востребованный именно в этой области⁶⁵.

Было замечено, что со временем закон все больше становится похожим на норму (так, судебные институты интегрируются в некий континуум аппаратов, функции которых по-прежнему регулятивные). «Мы вошли в фазу регрессии юридического вопреки умножению производства конституций, кодексов во всей этой деятельности, непрерывной и шумной». Функция закона, как принадлежащая суверенитету инструмента понуждения, была вытеснена и как бы заново вписана уже в его роли в нормирующей власти.

Деятельность человека политического складывается из составляющих: «знание, численное нормирование»: последняя весьма важна в ситуациях кризиса, когда общество, которому все же удастся сохраниться, сохраняется только благодаря нормативной реакции на аномию, оно сохраняет осколки системы ценностей, вокруг которых может начаться новая стабилизирующая кристаллизация» (Г. Беккер).

(«Аномия — это как раз то, что выходит из-под юрисдикции закона, а аномалия — то, что выходит из-под юрисдикции нормы (закон — инстанция, норма — характеристика; закон — трансцендентность, норма — усредненность). Аномалия разыгрывается в статистической сфере вариаций и модуляций, которая уже не имеет предела или характерной грани нарушения закона, потому-то все это сводится к статистическому и операциональному уравниванию. Это настолько нормализованная сфера, что аномаль-

ности здесь уже нет места. Но тем не менее она все еще остается аксиомой»⁶⁶.)

По сути, нормы контрактуральны. В технической же норме нормализация связана не с установлением модели, а с достижением согласия по поводу выбора модели. Здесь «норма создает равнозначность, так как все оказывается сравниваемым относительно нее», поэтому закон проистекает не из воли суверена, а из общности и вообще уже не является следствием чьей-то воли. Он обеспечивает «группу суверенитетом над самой собой», но связанным не с договором или общей волей, а с отношением сообщества к общему стандарту⁶⁷.

(Социальная дезорганизация у народов, придерживающихся «притч, предписания или принципа», часто вызывалась усредненными модераторами, приходящими в общество извне, которые «быстро сбежали, когда результаты их усилий оказывались не вполне удобными». Война, использующая услуги ученых, всегда была внушающим тревогу явлением, особенно когда она велась во имя иррациональных целей.

По мысли Говарда Беккера, ни одно общество, продолжающее функционировать в течение какого-то времени, никогда не является полностью лишенным общественных норм, как бы ни благоприятны были условия для такой аномии. При угрозе распада общество сохраняется только благодаря нормативной реакции на аномию, сохраняющей осколки ее системы ценностей, вокруг которых может начаться стабилизирующая кристаллизация⁶⁸.)

Закон представляет собой порядок, действительность которого гарантируется только вероятностью. Экономические условия не порождают автоматически новые юридические формы, но лишь увеличивают вероятность того, что какие-либо нововведения в области юридической техники будут приняты⁶⁹. (Н. С. Тимашев провел при этом параллели между структурой юридической нормы и тенденцией заученного поведения.)

Норма действительно создает равнозначность, так как все оказывается сравниваемым

⁶⁵ Бенуа Л. Указ. соч. С. 246—247.

⁶⁶ Фуко М. Истоки сексуальности. М., 1996. Т. 1. С. 249, 361.

⁶⁷ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М., 2017. С. 34.

⁶⁸ Беккер Г. Современная теория священного и светского // Современная социологическая теория. М., 1961. С. 187—189.

⁶⁹ Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера // Бекку Г., Босхв А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 484.

относительно нее. Сама норма производится вне некой общей картины мира, а от характеристик действий и фактов. Законы перестают быть продуктами чьей-то воли, вырастая из общности, обеспечивая ее суверенитетом над самой собой, но такой суверенитет не связан ни с общественным договором или общей волей, а с отношениями общества к общему стандарту: «Норма сама по себе имеет постметафизический характер: она зависит от ценностей, которые привязаны к группе и сменяемы», т.е. относительны⁷⁰.

Такая социальная связность мыслится уже по ту сторону подлинной социальной связи. В исторической ретроспективе Мишель Фуко отмечает этот переход: «Правление перестает быть методологией господства, превращаясь в технику хозяйствования, ориентированную на “прогресс” и заимствующую свои основные принципы из политической экономии». В этой новой форме рациональности «управлять не значит властвовать, утверждая свое могущество», истина располагается уже не в центре государства, а закон перестает пониматься только как произвольное установление суверена.

Государство заключает договор с гражданским обществом. Его деятельность подчиняется требованиям общества, однако оно сохраняет власть: угасание его влияния (*auctoritas*) совпадает с возрастанием его власти (*potestas*). Эту власть и легитимность государство получает при условии, что оно обеспечивает безопасность и благосостояние⁷¹. Но нормализация больше не зависит от принуждения, но от внешнего чувства вины и самоцензуры: носитель власти не признается в том, чтобы приказывать — исполняются даже те приказания, которые он не отдавал (Н. Луман).

Императивность закона уже сама по себе является нормативностью: «Закон обращен к норме, и он призвал... норму кодифицирования». Вместе с системой закона, в ее недрах и пределах, но в противоположном направлении развиваются техники нормализации, которые производит дисциплина. Она производит дисциплинарную разбивку элементов, устанавливая оптимальные последовательности и координацию. Разделение на нормальное

и ненормальное определяется здесь согласованностью с нормой или отсутствием таковой (М. Фуко уточняет эту ситуацию, определяя процесс термином «нормация»⁷²).

Регулировать процессы посредством юридической формы казалось инструментом более эффективным, чем мудрость или умеренность правителей. «Физиократы, не доверявшие праву и юридической институции, были склонны искать это регулирование в признании деспотом с его неограниченной, институциональной властью “естественных законов” экономики, представляющихся ему очевидной истиной».

Пути регулирования искали именно в законе не из-за предположительного системного для него легализма, а потому что закон определяет общие формы вмешательства, усложняя частицы индивидуальности, исключительные меры, и участие управляемых в выработке закона является наиболее эффективной системой управленческой экономии. В начале XIX в. верховенство права и организация репрезентативной парламентской системы были самым тесным образом связаны между собой⁷³.

Право становилось инструментом господства, более того — оно влекло за собой и устанавливало отношения господства, многочисленные формы господства, но уже не господства короля, игравшего центральную роль в государстве, а господство, существующее во взаимных отношениях субъектов, не господство верховной власти в ее единственности, а существующие многочисленные формы подчинения: Система права и судебная власть явились постоянными носителями отношений господства и многообразных технических форм подчинения.

В этом плане право не столько устанавливало законность, сколько приводило в действие различные процедуры подчинения: власть выходит за рамки организующих и ограничивающих ее положений права и функционировала уже по ту сторону права, воплощаясь в институтах, обрела форму благодаря разным техническим приемам и использовала материальные, потенциально даже насильственные инструменты, вмешательства⁷⁴.

Свойственное технике механическое понятие времени и способов изменения времени нахо-

⁷⁰ Дин М. Указ. соч. С. 300—301.

⁷¹ Бенуа Л. Указ. соч. С. 255—258.

⁷² Фуко М. Безопасность... С. 88—89.

⁷³ Фуко М. Рождение биополитики. М., 2010. С. 409—410.

⁷⁴ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 46.

дит свое место в аппаратуре. Функция есть нечто механически повторяющееся. «Нормирование в современном понимании подразумевает такой процесс, при котором всё, что представляет собой составной элемент того или иного механического процесса, повторяется с абсолютной точностью...» При этом неподвижные части механизма играют по отношению к подвижным подчиненную роль. Такое разделение является необходимым в системе «власти-подчинения» и в процессах управления. Предельно современное нормирование — это всегда автоматизм.

(«Административное право, имеющее целью сформировать мир преданности всеобщему интересу и выдающее за свой фундаментальный закон обязательство бескорыстия, возводит подразделение в отношении щедрости в практический принцип оценки практик — правительство не делает порядком административное действие, приносящее всюду в индивидуальном порядке какому-либо частному лицу, является подозрительным и даже недозванным»⁷⁵.)

Правовая система сама уже решает, что является правом. Правоприменение поддерживает правовые системы, так как правовые процедуры обосновывают легитимацию юридически обзывающих решений правовой системы: «Право — это то, что понимается под правом самой правовой системой» (Н. Луман). Но порядок заключен в том, что только политика может устанавливать право, при этом и со своей стороны придерживаясь права.

Право современного общества оказывается способным обходиться без твердо установленного будущего. Варианты будущего среды представляются как вероятные или невероятные. Поэтому нормативные ожидания и их правовые гарантии так долго удерживают свое значение. «Правовая система — зеркальное отражение общества» (Н. Луман), она рискованна, поскольку рискованно само общество: право здесь становится инструментом регулирования рисков и служит приостановке и абсорбции конфликтов: правовые формы должны быть совместимы с самовоспроизводством правовой системы с учетом риска и опасности⁷⁶.

По замечаниям Говарда Беккера, нормативные предписания возникают согласно традиции, но при этом могут быть организованы в кодексы: «Такая упорядоченность по крайней мере имеет вид какой-то дедуктивной систематизации», на деле часто ограничиваясь лишь внешним подобием. Эта система представляет собой только «грубую последовательность каталога, определяемую историческими событиями и удобством неподчинения».

Используемое их так называемое предписывающее общество определяет как рациональность ситуацию, которая уже сложилась сама по себе. Для обоснования этого используется целый штат жрецов, писцов, предсказателей и т.п.; заметное влияние подобных предписаний затем может сводиться к более абстрактным формулировкам, выступающим как эпические, правительственные, профессиональные и другие подобные принципы⁷⁷.

Следствием анонимности, когда настоящие руководящие органы и бюрократизация уходят в тень, а анонимная техника все расширяет сферу своего господства, становится нарастание страха. «Воля центра, воля, управляющая центральным рубильником, от которого зависит любая работа аппаратуры и организации, держит все под своим контролем; в то же время тот, кто лично всем управляет, недоступен ни для какого контроля. Он лишь терпит видимость такого контроля, сохраняя выхолощенные институты выборов, плебисцитов, парламентов, лишив их предварительно способности самостоятельного формирования воли»⁷⁸.

Номинация или назначение представляет собой некое таинственное действие, логика которого очень близка логике магии. Подобно консулу, призывающему весь капитал веры, накопленный деятельностью магического мира, президент республики подписывает приказ о назначении, т.е. мобилизует символический капитал, накопленный посредством своей сети отношений признания, неразрывно связанный с функционированием бюрократического мира. Посредством магии официальной номинации государство поистине осуществляет власть соз-

⁷⁵ Бурдые П. Дух государства. С. 162.

⁷⁶ См.: Видершайн Н. Общественная действенность права // Социология права в Германии. М., 2008. С. 79—80.

⁷⁷ Беккер Г. Указ. соч. С. 181—183.

⁷⁸ Юнгер Ф. Указ. соч. С. 385.

дателя, почти божественную власть, оно осуществляет «последний суд» (Гегель)⁷⁹.

Как полагал Фигелин, только Макиавелли впервые в его противостоянии «древним» и традиции принадлежит заслуга теоретического оформления понятия власти в «постконституционной ситуации», власти, обязанной библейской традиции и образу «вооруженного пророка».

Учитывая, что всякое исчисление уже есть вид «управления» и систематизации, оцифровка превращается в технологию создания новой реальности: это хорошо понимали как каббалисты, так и пифагорейцы. Античные предпочтения хорошего правителя хорошему закону (прежде всего замеченное у Платона) предполагали, что в пространстве «постконституционном» создание новых законов возможно без обращения к старым и традиционным: исчисление в широком смысле как создание предпочтительных рациональных комбинаций более эффективно, чем использование фиксированных правовых норм. Тогда конституция как набор таких норм уже теряет свою актуальность.

Подсчет «цифр» в таком случае не просто отражает существующую реальность, он создает новую. Сама проблема «конституции» у Макиавелли была не статической и динамической, а подлинно политической проблемой: его конституция представляет собой способ, с помощью которого она подготавливает себя к решению своих исторических задач, набирает и поддерживает для этого надлежащую форму⁸⁰.

В фазе же «регрессии юридического» и вопреки умножению числа конституций, кодексов и «всей этой законодательной деятельности, непрерывной и шумной» (М. Фуко), утверждение, что функция закона как юридического суверенитета инструмента нормализирующей власти, ведь «закон вписан уже в роли нормализирующей власти, ведь закон не может быть не вооружен». Вооруженный пророк действеннее невооруженного.

Если же взять техническую норму или стандарты, то нормализация оказывается здесь связанной уже не с установлением модели, а с достижением согласия по поводу модели: на первый план выдвигается установление проце-

дур, которые приведут к общему согласию по поводу выбора норм и стандартов.

Но техническая стандартизация опять-таки не является нейтральной. Великие политические битвы сегодня — это битвы вокруг норм, и разворачиваются они не на виду у публики и при ее безразличии. Кто навязывает свой порядок, тот возводит собственное локальное на уровень универсального: тем самым господство стандартизации мира «зашифровывается в беспристрастных, но определяющих печатях».

Если закон запрещает, а дисциплина предписывает, то безопасность обеспечивает соответствие шагов правительства действительности, с тем чтобы данное соответствие аннулировало эту действительность: для этого действительность ограничивают, сдерживают или упорядочивают.

Закон работает в пространстве воображаемого, и он воображает негативное; дисциплина же функционирует в сфере позитивного «дополнения реальности». Безопасность старается найти себе место в реальном, чтобы с помощью серии процедур расчленения и компоновки заставить его элементы прийти во взаимодействие друг с другом. Здесь политическое обязательно вести игру в стихии реального, именуемого физиократами не иначе как «физикой»: «Политика — это и есть физика»⁸¹.

Война уже в XVII в. утрачивает свою связь с правом, теперь она прямо связана с политикой, стремящейся обеспечить баланс государственных сил. Рождается принцип: «война — это политика, продолженная иными средствами». Урегулировать — не значит просто последовать тем юридическим направлениям, которые предписаны законом и традициями. Здесь значимы направления, определяемые необходимостью равновесия. Дело не в старом праве наследования или завоевания, а в зависимости от физических принципов. Именно физика государств, а уже не право правителей становится основополагающим принципом: идея о едином пространстве — устанавливать и кодифицировать, порождая то, что потом назовут «правами человека»⁸².

Следствием глобального развития биовласти стало возросшее значение, которое полу-

⁷⁹ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура // Поэтика и политика. С. 151.

⁸⁰ Фрейер Х. Макиавелли. СПб., 2011. С. 209—210.

⁸¹ Фуко М. Безопасность... С. 75.

⁸² Фуко М. Безопасность... С. 394—395.

чило действие нормы в ущерб юридической системе законов. Закон всегда опирается на меч, его оружием является смерть. Но власть, задачей которой является взять на себя бремя заботы о жизни, будет нуждаться уже в постоянном регулировании и корректирующем механизме. Речь идет не о том, чтобы «привести в действие смерть в поле суверенности», но и о том, чтобы распределять живое в области полезности.

Такой власти приходится скорее квалифицировать, измерять, центрировать, иерархизировать, нежели демонстрировать себя во всем своем смертоносном блеске, она производит распределение относительно нормы. Закон сам все больше функционирует как норма, а институт суда все более интегрируется в некий континуум аппаратов (управленческих), функции которых преимущественно регулятивные. «Нормализующее общество является историческим производным некоей технологии власти, централизованной на жизни».

Здесь мы и вступаем в фазу настоящей регрессии юридического: вся «законодательная деятельность, непрерывная и шумная, уже не должна вводить в заблуждение, все это — лишь формы, которые делают приемлемой эту власть, нормализующую власть»⁸³.

Ренессансное определение государства как «произведения искусства» могло появиться только на волне очередной технической революции. В тот момент техника отрывается от греческого «техне» и становится инструментом для конструирования новой реальности, а не выражением некоей сущности: поэтому Хайдеггер так строго разделяет технику и ее сущность. Искусственность сама становится качеством, ведь создание нового порождает все новые и новые качества, тем самым подчиняясь количеству и процессуальной стихии. Юридические нормы порождают институты, нуждающиеся в оформлении, для чего они и создают еще более новые формы: процесс кажется бесконечным, но это и есть судьба технической революции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Д. Царство и слава. — М. — СПб., 2018.
2. Бек У. Общество риска. — М., 2000.
3. Беккер Г. Современная теория священного и светского // Современная социологическая теория. — М., 1961.
4. Бенуа Л. Против либерализма. — СПб., 2009.
5. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. — М., 2007.
6. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М., 2017.
7. Бурдые П. Дух государства. Поэтика и политика. — СПб., 1999.
8. Видершайн Н. Общественная действенность права // Социология права в Германии. — М., 2008.
9. Винер М. Творец и будущее. — М., 2003.
10. Дин М. Правительственность. Власть и правление в современном обществе. — М., 2016.
11. Иванова Н. В., Соколов П. В. Кроме Макиавелли. — М., 2014.
12. Мамфорд Л. Миф машины. — М., 2001.
13. Марсель Г. Люди против человеческого. — СПб., 2018.
14. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. — М., 2009.
15. Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера // Бекку Г., Босхв А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. — М., 1961.
16. Токвиль А. Демократия в Америке. — М., 1992. — Т. 1. — Ч. 2.
17. Фрейер Х. Макиавелли. — СПб., 2011.
18. Фуко М. Безопасность, территория, население. — СПб., 2011.
19. Фуко М. Воля к истине. — М., 1996.
20. Фуко М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть. — М., 2005. — Ч. 2.
21. Фуко М. Истоки сексуальности. — М., 1996. — Т. 1.
22. Фуко М. Нужно защищать общество. — СПб., 2005.
23. Фуко М. Рождение биополитики. — М., 2010.
24. Хайек Ф. Конституция свободы. — М., 2017.

⁸³ Фуко М. Воля к истине. С. 249—250.

25. Хардт М., Негри А. Империя. — М., 2004.
26. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. — СПб., 2005.
27. Юм Д. О первоначальных принципах правления. — М., 2006. — Т. 2.
28. Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. — СПб., 2002.
29. Юнгер Э. Через линию. — СПб., 2006.

Материал поступил в редакцию 28 июня 2019 г.

FROM REIGNING TO GOVERNING: TECHNOLOGIES OF POWER⁸⁴

ISAEV Igor Andreevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
iaisaev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the problem of “technologization” of modern political and legal thinking from its origins in the 16th — 17th centuries up to the era of “digital technologies.” Technocratic tendencies, having been manifested in the political sphere, led to the emergence of the ideal government apparatus, namely: bureaucracy. This new social phenomenon has replaced the old hierarchical and sovereignty-oriented systems of governance. The complexity of social life and political pluralism required changes in the nature of governing technologies. Within the framework of the “disciplinary” society, government techniques form the normative environment of existence. The rule of law replaces the domination of personalities. The power is differentiated on the network principle. There comes a time of domination of biopower regulating public and private life and tending to totalization and rigidity.*

Keywords: *rule of law, norming, government, technology of power, sovereignty, disciplinary society, technology of government, reigning, totality, dictatorship, democracy, liberalism, neutrality, police, order.*

REFERENCES

1. Agamben D. Tsarstvo i Slava [Kingdom and Glory]. Moscow-St. Petersburg, 2018. (In Russian)
2. Beck U. Obshchestvo riska [Risk Society]. Moscow, 2000. (In Russian)
3. Bekker G. Sovremennaya teoriya svyashchennogo i svetskogo [Modern theory of the sacred and the secular]. Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya [Modern sociological theory], Moscow, 1961. (In Russian)
4. Benua L. Protiv liberalizma [Against Liberalism]. St. Petersburg, 2009. (In Russian)
5. Bodriyyar Zh. Fantomy sovremennosti [Phantoms of Modernity]. From Yaspers K., Bodriyyar Zh. Prizrak tolpy [Phantom of the Crowd]. Moscow, 2007. (In Russian).
5. Bodriyyar Zh. Fatalnye strategii [Fatal strategies]. Moscow, 2017. (in Russian).
7. Bourdye P. Dukh gosudarstva [The Spirit of the State]. Poetika i politika [Poetics and Politics]. St. Petersburg, 1999. (In Russian)
8. Widdershain N. Obshchestvennaya deystvennost prava [Social effectiveness of law]. sotsiologiya prava v Germanii [Sociology of Law in Germany]. Moscow, 2008. (In Russian)
9. Viner M. Tvoretz i budushchee [The Creator and the Future]. Moscow, 2003. (In Russian)
10. Din M. Pravitel'nost. Vlast i pravlenie v sovremennom obshchestve [Governmentability. Power and governance in modern society]. Moscow, 2016. (In Russian)
11. Ivanova N. V., Sokolok P. V. Krome Makiavelli [Except Machiavelli]. Moscow, 2014. (In Russian)
12. Mamford L. Mif mashiny [Myth of the Machine]. Moscow, 2001. (In Russian)
13. Marsel G. Lyudi protiv chelovecheskogo [People against human]. St. Petersburg, 2018. (In Russian)
14. Tilly Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva [Coercion, Capital and European States]. Moscow, 2009. (In Russian)

⁸⁴ The article was drafted within the framework of the RFBR project No. 18-29-16124.

15. Timashev N. S. Razvitie sotsiologii prava i ee sfera [Development of sociology of law and its sphere]. Bekku G., Boskhv A. Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii [Modern sociological theory in its continuity and change]. Moscow, 1961. (In Russian)
16. Tokvil A. Demokratiya v amerike [Democracy in America]. Moscow, 1992. Vol. 1. Ch. 2. (In Russian)
17. Freyer Kh. Makiavelli [Machiavelli]. St. Petersburg, 2011. (In Russian)
18. Fuko M. Bezopasnost, territoriya, naselenie [Safety, territory, population]. St. Petersburg, 2011. (In Russian)
19. Fuko M. Volya k istine [The will to know the truth]. Moscow, 1996. (In Russian)
20. Fuko M. Iskustvo gosudarstvennogo upravleniya [The Art of Public Administration]. Intellektualy i vlast [Intellectuals and the Power]. Moscow, 2005. Part 2. (In Russian)
21. Fuko M. Istoki seksualnosti [The origins of sexuality]. Moscow, 1996. Vol. 1. (in Russian)
22. Fuko M. Nuzhno zashchishchat obshchestvo [It is necessary to protect the society]. St. Petersburg, 2005. (In Russian)
23. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki [The Birth of Biopolitics]. Moscow, 2010. (in Russian)
24. Hayek F. Konstitutsiya svobody [The Constitution of Freedom]. Moscow, 2017. (in Russian)
25. Hardt M., Negri A. Imperiya [The Empire]. Moscow, 2004. (in Russian)
26. Evola Yu. «Rabochiy» v tvorchestve Ernsta Yungera [“Worker” in the work of Ernst Junger]. St. Petersburg, 2005. (In Russ.)
27. Yum D. O pervonachalnykh printsipakh pravleniya [On the initial principles of government]. Moscow, 2006. Vol. 2. (In Russian)
28. Yunger F. Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost [Perfection of technology. The Machine and Property]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)
29. Yunger E. Cherez liniyu [Across the line]. St. Petersburg, 2006. (in Russian)